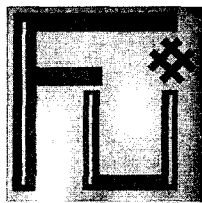

ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
АДМИНИСТРАЦИИ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»
Институт исследований языка, истории и традиционной культуры
коми-пермяцкого народа

**Рукописные памятники как предпосылки
создания национальной письменности**

Материалы межрегиональной научной конференции,
посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики
пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка

*«Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію
Пермятскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго
Собора Протоіереемъ Θεодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8- дня»*

28–29 февраля 2008 года
Пермь

Пермь
ПГПУ
2008

УДК 809.453.1

ББК Ш 166.42

Р 854

Рукописные памятники как предпосылки создания
Р 854 национальной письменности : материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – 229 с.

ISBN 978-5-85218-374-3

Межрегиональная научная конференция «Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности», состоявшаяся в г. Перми 20–29 февраля 2008 г., посвящалась 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (современного коми-пермяцкого) языка *«Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермтскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереємъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8- дня»*.

В сборнике представлены доклады, изложения сообщений и выступлений на пленарном заседании и секциях участников конференции. Издание адресовано специалистам по пермским языкам, а также всем, кто интересуется вопросами истории языка.

УДК 809.453.1

ББК Ш 166.42

Редакционная коллегия:

Белавин Андрей Михайлович – проректор Пермского государственного педагогического университета по научной работе, доктор исторических наук, профессор;

Абашева Марина Петровна – декан филологического факультета Пермского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор;

Лобанова Алевтина Степановна – директор Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета (главный редактор);

Попова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета (ответственный редактор).

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

*Издание осуществлено по заказу Департамента внутренней политики
Администрации губернатора Пермского края на средства и в рамках реализации
краевой целевой Программы развития и гармонизации национальных отношений
народов Пермского края*

ISBN 978-5-85218-374-3

© Коллектив авторов, 2008
© ГОУ ВПО «Пермский государственный
педагогический университет», 2008

Употребление возвратного глагола в первых печатных книгах на удмуртском языке

Первые печатные книги на удмуртском языке появились в XIX веке, в 1847 году – это «Азбуки» и «Евангелія», составленные на глазовском и сарапульском наречиях*. Репринтное воспроизведение текстов переводных книг выполнено в 2003 году.

В настоящей работе мы будем опираться лишь на «Азбуки, составленные из Россійских, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчій» на глазовском и сарапульском наречиях. В основе исследования стоит вопрос морфологии: рассмотреть употребление категории возвратного глагола в представленных книгах.

Как известно, в современном удмуртском языке категория возвратности выражается с помощью суффиксов *-ск(ы)/-ськ(ы)-*, которые являются полифункциональным. В зависимости от лексического значения и характера синтаксических связей в системе современного удмуртского языка можно выделить следующие семантические возможности указанного форманта: собственно-возвратные, каузативно-возвратные, взаимно-возвратные, квазипассивные, континуативные, медиальные, хабитивные, пассивные.

Исходя из вышеперечисленных возможных функций, попробуем разделить возвратные глаголы, данные в «Азбуках», на подобные группы и определить частотность их употребления.

Категория возвратного глагола в исследуемых книгах отдельно не рассматривается, хотя в приложении к ним имеется краткий грамматический справочник. В своей работе мы лишь проследим на

примерах, как отражалась данная категория в первых печатных изданиях и как соотносились ее семантические функции.

Для выражения возвратного глагола в «Азбуках» употреблено несколько маркеров. Из 115 примеров наиболее часто употребляемыми оказались *-ск-* и *-ськ-*, что характерно и для современного выражения категории возвратности. Среди данных вариантов выступали и *-цк-*, *-цск-*, *-зк-*, где *-цк-* и *-зк-* скорее всего являются вариантами *-ск-*. Употребление данных маркеров было обнаружено в сарапульском наречии. По мнению автора, вариант *-цск-*, возможно, является обычной опечаткой, поскольку встречается только в одном из примеров сарапульского наречия. В глазовском же наречии, кроме традиционных маркеров, употребляют еще и русский возвратный суффикс *-ся* вместе со вспомогательным глаголом *карыны* 'делать'.

Рассмотрим на конкретных примерах семантические функции маркеров, выражающих категорию возвратности глаголов, представленных в одном из первых печатных изданий XIX века:

1. собственно-возвратные глаголы, где действие направлено на самого субъекта как производителя действия: гл. *со понна кулээзь-но эйваль со-ослы шобырьяскыны* 'а потому и ненужно было покрывать оныя' (по: [Первые ... 1, 2003: 406]), сар. *со пэнна бонь кулээзь-но эйваль шобырьяскыны собслы* (по: [Первые ... 2, 2003: 268]), и *со пэнна аликено селыкь пырт-й вордско* 'и потому всь родятся въ состояніи грѣха и осужденія' (по: [Первые ... 2, 2003: 271]);

2. в каузативно-возвратных глаголах субъект попадает под чье-либо влияние и действие выполняется опосредованно: гл. *дасялдозь-но калыкьсэ кылзискыны Солэсь* 'и приготовить людей къ принятію Его' (по: [Первые ... 1, 2003: 459]), сар. *индылыса косэ валь калыклы селыклэсь сузяськыны* 'проповѣдываль покаяніе' (по: [Первые ... 2, 2003: 327]);

3. взаимно-возвратные глаголы обозначают действие двух или нескольких лиц и являются объектом взаимных действий: гл. *калыкь*

вераскйзъ огъ кылэнъ выльллямъ-но огъ выжй 'люди говорили однимъ языкомъ и составляли одинъ родъ' (по: [Первые ... 1, 2003: 416]), сар. *ма пэннâ Инмâръ Авра-амэнъ каргасâ куснâзъ вераскйзъ* 'въ чемъ поставилъ Богъ съ Авраамомъ завѣтъ' (по: [Первые ... 2, 2003: 281]);

4. в квазипассивных глаголах субъект – неодушевленный или абстрактный предмет, и он не может быть агенсом, но может восприниматься как производитель действия: гл. *музьемъ квалектызъ, изьйосъ пилискйзы* 'земля потряслась, камни распались' (по: [Первые ... 1, 2003: 489]), сар. *музьемъ зур-ржкязъ, изьйосъ пилиськйзы* (по: [Первые ... 2, 2003: 359–360]), *квара-но вылысь инмысь Ай Инмарлэнъ кылыськйзъ* 'и слышанъ былъ гласъ Бога-Отца' (по: [Первые ... 2, 2003: 348]);

5. континуативные глаголы указывают на род занятий, совершаемых агенсом: гл. *ку Евреййослы кулэ валъ юртъяскины сиземъ музьемынъ* 'когда Евреямъ надлежало поселиться въ земль обьтованной' (по: [Первые...1, 2003. с. 440]), сар. *потонъ азязы сюрэсъ вылэ вэсяськйны косйзъ пâсха праздникэъ* 'повелѣвъ имъ, предъ самымъ вступленіемъ въ путь, совершить пасху' (по: [Первые ... 2, 2003: 290]);

6. значение медіальных глаголов характеризуется отсутствием прямого объекта, с одной стороны, и дуративным распределением во времени, с другой: гл. *кызы кулэ малпасъкйны Святой Ангельйосъ адямийосъ-но сыанзэъ-котыръ?* 'какъ должно рассуждать о почитаніи Святыхъ Ангеловъ и Святыхъ челоувьковъ?' (по: [Первые ... 1, 2003: 540]), сар. *Инмарлэсъ эрыксэ утьсâ кылзйсâ улонъ-не кâрыськы* 'твердо рѣшиться жить по волѣ Божіей' (по: [Первые ... 2, 2003: 338]);

7. хабитивные глаголы выражают определенные свойства характера, привычек человека: гл. *вожъяскизы-но мадйолы Солэсъ* 'завидовали славѣ Его' (по: [Первые ... 1, 2003: 482]), сар. *пэннâ бонъ та заповѣдэнызъ угъ кôсы куспынъ тышкаськйны, вожэзъ вайны, лекъ-яськы-ны* 'и потому сею заповѣдію запрещаются также ссоры, гнѣвъ, ненависть, зависть, жестокость' (по: [Первые ... 2, 2003: 427–428]);

8. при пассивном значении объект действия стоит в именительном падеже, а субъект действия в форме творительного падежа (чаще всего функционируют в переводных текстах, представляют собой кальки с русского языка: гл. *со Евангеліейнь бенъ укатà иворьяскэ вордскэмъ Господь Исусъ Хрис-тосълэсъ* 'въ его Евангеліи преимущественно возвыщается предвѣчное рожденіе Господа Иисуса Христа' (по: [Первые ... 1, 2003: 501–502]), сар. *Пецят-ласькѣ шусà Инмарлуземлэнь Святѡй Духлэнь зѣць кужмынызъ* 'печать дара Духа Святаго' (по: [Первые ... 2, 2003: 402])).

Оба текста азбук являются переводными; они отличаются лишь тем, что написаны на разных наречиях, поэтому употребление возвратного маркера может иметь разное соотношение.

Проведя сравнительный анализ частотности использования в речи вышеназванных семантических функций рефлексивного маркера *–ск(ы)/–ськ(ы)–* и их вариантов, мы имеем следующие данные:

Таблица

№	Семантическое значение	Кол-во примеров		%	
		Гл.	Сар.	Гл.	Сар.
1	Собственно-возвратные	17	17	28,33	30,90
2	Квазипассивные	13	11	21,64	16,36
3	Континуативные	9	5	15	9,10
4	Пассивные	8	3	13,30	7,27
5	Хабитивные	5	6	8,33	10,90
6	Медиальные	4	3	6,70	7,27
7	Каузативно-возвратные	3	4	5	7,30
8	Взаимно-возвратные	1	6	1,70	10,90
	Итого	60	55	100	100

Из таблицы видно, что наибольшей частотностью обладают глаголы с собственно-возвратным значением, что еще раз объясняет значимость рефлексивного глагола, представленного вышеназванными маркерами и выражающего действия, которые субъект выполняет прежде всего в пользу себя. Далее следуют глаголы с квазипассивным значением. Данная группа глаголов выражает явления, происходящие в природе, либо «действия» неодушевленных предметов, которые человек приписывает этим предметам как их исполнителям и которые происходят независимо от воздействия другого предмета. Естественно, что число подобных примеров в литературе будет преобладать. Также следует заметить, что пассивное значение стоит не на последнем месте, а занимает достойное место среди других. Пассивные глаголы, как нам известно, в основном являются кальками с русского языка. Таким образом, можем сказать, что в переводных текстах существует немалое количество примеров, которые «носят русский характер». Заметим также то, что в глазовском наречии пассивное значение глагола проявляется в большей степени, чем в сарапульском. В сарапульском наречии большее внимание уделяется квазипассивным глаголам, что более свойственно удмуртскому языку. Такое разное применение пассивного значения объясняется также тем, что на глазовское наречие оказывает сильное влияние русский язык. Сарапульское наречие, напротив, стремится к более удмуртизированному варианту. Наименьшее применение имеют каузативно-возвратные и медиальные глаголы.

Из указанных групп наибольшей частотностью в современном удмуртском языке обладают глаголы с квазипассивным значением. Наилучший способ его определения – контекстный. Наименьшую частотность употребления среди указанных групп имеют медиальные и пассивные глаголы.

Мы разграничили разновидности возвратных значений маркера – *ск(ы)/-ськ(ы)-* и его другие семантические возможности в одном из

первых печатных изданий. На конкретных примерах убедились, что их значение актуализируется лишь через структуру предложения в контексте. Как правило, глаголы, содержащие в себе маркер *-ск(ы)/-ськ(ы)-*, способствуют уменьшению валентности глагола, снимая актантное место прямого объекта.

Список литературы

Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / сост. Л. Л. Карпова; предисл. Л. М. Ившин; репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 560 с. (Памятники культуры: Лингвистические наследие 3).

Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; предисл. Л. М. Ившин; репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 441 с. (Памятники культуры: Лингвистические наследие 4).

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys / R. Bartens. Helsinki: Suomalais-ugri-lainen seura, 2000. 272 s.

И. В. Тарakanов (г. Ижевск)

О рукописных материалах XVII–XX вв. по коми-пермяцкому языку, хранящихся в библиотеках Российской Федерации

В процессе работы в различное время в архивах Государственных библиотек городов Ленинграда и Ижевска нами был обнаружен ряд рукописных работ по коми-пермяцкому языку. В частности, «Список русских слов с переводом на черемисский, «вотский» (Красноуфимский округ) и «пермяцкий» (Чердынский округ)» за подписью Никиты Овчинникова (Русская транскрипция) на 6 листах, содержащий 264 слова. Слова расположены в следующей последовательности: под «Красноуфимской округ» даются черемисские и вотские слова, под «Чердыншюй округе» – пермские. Кроме того, имеется надпись: «Оные слова написаны черемисскимъ, вотскимъ, пермятскимъ надписемъ по